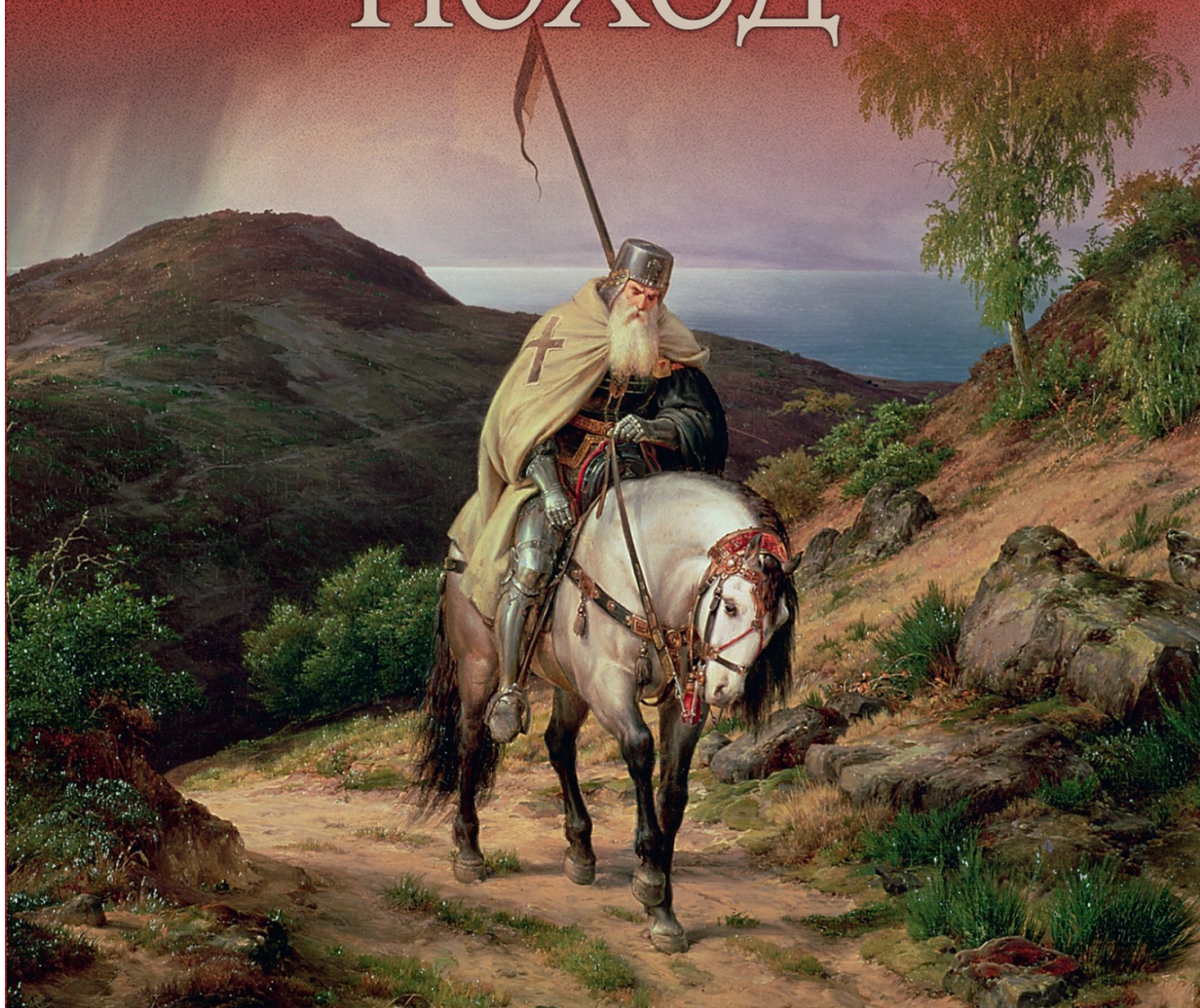

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СЕРГЕЙ ВИШНЯКОВ

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Исторические приключения (Вече)

Сергей Вишняков

Пятый крестовый поход

«ВЕЧЕ»

2019

Вишняков С. Е.

Пятый крестовый поход / С. Е. Вишняков — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8010-2

В 1217 году рыцари из всех уголков Европы отправляются в новый крестовый поход. Собравшись в Палестине, они атакуют мусульманскую крепость на горе Фавор. Молодой граф Генрих фон Штернберг, с детства мечтавший биться с сарацинами, в своем первом бою был поставлен перед выбором – убить одного из полководцев мавров и покрыть себя славой или спасти брата. Не колеблясь, Штернберг идет на помощь брату, ведь так поступил бы всякий истинный рыцарь, для которого забота о других важнее собственной выгоды. Увы, далеко не все участники похода таковы и Штернбергу скоро придется убедиться в этом. Но даже если священная война перестает быть таковой и ведется ради наживы, рыцарь может найти себе цель, достойную того, чтобы за нее сражаться.

ISBN 978-5-4484-8010-2

© Вишняков С. Е., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Пролог. Рыцари Христа	6
Часть первая. Цитадель Нила	21
Глава первая. Утро под Дамиемтой	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Вишняков

Пятый крестовый поход

© Вишняков С.Е., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду.
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.
Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман, но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном!*

Н. Гумилев

Пролог. Рыцари Христа

Через узкую смотровую щель шлема *тонфхельма*¹ было видно лишь узкую полоску голубого неба с одиночными далекими облаками и зеленые отроги горы Фавор, окутанные полуденным маревом. Хотелось скинуть шлем и во все глаза смотреть на эту гору и полной грудью вдыхать воздух этих мест, где произошло Преображение Христа. Но вершину Фавора уже много лет венчала крепость, построенная Саладином, а на равнине, перед горой, стояла двадцатитысячная армия сарацин, и потому религиозный экстаз Генриха фон Лотрингена графа Штернберга сменили возмущение и гнев.

За два месяца, что граф пробыл в Святой земле, он впервые участвовал в таком крупном военном деле, как осада крепости Фавор. Грабительские рейды крестоносцев в Верхней Галилее и Наблужской области, когда сарацины в страхе отступали перед огромной армией воинов Христа, кроме богатой добычи и нескончаемых толп пленных местных жителей, не приносили той славы, которой жаждал молодой Генрих фон Штернберг.

За двадцать шесть лет жизни ему много раз приходилось участвовать в междоусобных стычках, турнирах и дуэлях, но в бою, где сходятся тысячи против тысяч, чтобы помериться ненавистью и силой, ему еще не приходилось никогда. И как только по Европе разнеслась весть о новом крестовом походе, Штернберг не раздумывал. Сражаться против арабов в священной войне было его мечтой с детства, подогреваемой рассказами отца о его участии в крестовом походе вместе с императором Фридрихом Барбароссой. И когда, согласно постановлению Латеранского собора, летом 1217 года христианское воинство со всех концов Европы обратило свой взор и стопы на Восток, Штернберг вместе с братом и несколькими друзьями влился в этот могучий железный поток и с армией прославленного австрийского герцога Леопольда VI прибыл в Палестину.

Солнце, словно огонь сковороды, разогревало рыцарские доспехи, и граф чувствовал, как струйки пота бегут по его спине и животу, дышать через маленькие отверстия в шлеме становилось все труднее, и он с нетерпением ждал, когда дадут сигнал к атаке. Но пока Иерусалимский патриарх Рауль де Меранкур ехал на коне перед фронтом христиан, благословляя их небольшим ковчезцем, украшенным драгоценными камнями, в котором хранилась частица Честного Креста. Когда несколько дней назад патриарх привез в лагерь крестоносцев эту реликвию, брат Штернберга – Конрад фон Лотринген – иронизировал, как все удивляются чудесному спасению частицы Креста после поражения христиан при Хаттине, вместо того чтобы удивляться тому, как кусочек дерева сохранился со времен Христа.

Слушая благословения, граф созерцал армию противника.

Такого большого количества сарацин он еще никогда не видел. Расстояние до них было не менее трех полетов стрелы, но графу в смотровую щель казалось, что намного дальше. Впереди находилась конница, пестревшая разукрашенными арабесками круглыми щитами и флагами с полумесяцем. Граф предполагал, что за первой линией конницы, которую и было видно, стоит еще конница, глубиной в несколько колонн. А за конницей – пехота.

Штернберг пытался высмотреть, где же находятся военачальники вражеского войска. Граф очень хотел встретиться в бою с одним из этих эмиров и убить его. В детстве он думал, что если, даст Бог, представится случай, он первым понесется на врага, увлекая соратников за собой, первым врывается в ряды противника, непременно схватится с вражеским военачальником и убьет его, заслужив неувядающую славу. Теперь был именно такой шанс. Но воспоминание о детской фантазии вызвало у графа лишь презрительную усмешку. В фантазиях все

¹ Пояснения к словам, выделенным курсивом, см. в Словаре в конце книги.

было просто. Но в жизни оказалось иначе. Штернберг не хотел себе признаваться и гнал от себя любой намек на мысль о том, что страх закрадывается в его сердце, но это было так.

Впрочем, крестоносцы тоже были сильны и по численности не только не уступали сарацинам, но даже превосходили их. Под крепостью Фавор собрались под единым командованием престарелого иерусалимского короля Жана де Бриенна немцы Леопольда VI, часть венгерской армии, пришедшей в Святую землю во главе со своим королем Андрашем II, и отряды палестинских христиан князя Боэмунда Антиохийского, хоть этот последний и был против штурма, ссылаясь на то, что крепость на горе неприступна и армия потеряет много сил и времени.

Не успели еще отзвучать последние благословения патриарха, а Жан де Бриенн еще не подал сигнал к атаке, как из рядов крестоносцев выехал госпитальер и, даже не оглядываясь, следует за ним кто-нибудь или нет, помчался один на армию мусульман. Штернберг подивился безрассудству рыцаря, тем более невероятному, что его совершал госпитальер, ведь орденские братья всегда славились строжайшей дисциплиной. Хоть контингент госпитальеров в христианском войске под Фавором составлял всего-то двадцать рыцарей и среди них не было магистра, который бы мог своей властью удерживать братьев от необдуманных поступков, однако же командир был, и он не давал приказа этому смельчаку нарушать строй. Как потом выяснилось, его звали брат Вальтер и слыл он одним из самых суровых и отчаянных воинов в ордене, не раз его наказывал магистр за своеволие и непослушание, но исключить из ордена не мог – брат Вальтер являлся примером храбрости для многих.

Госпитальер уже преодолел больше половины расстояния до арабов. За ним мчался какой-то венгерский рыцарь, а третьим был граф Карл фон Лихтендорф. Штернберг узнал своего друга по красного цвета *сюрко* и гербу с двумя золотыми львами.

Проклятие! Он будет только четвертым! Штернберг со всей силы врезал шпоры в бока *дестриера* и поскакал на врага. За ним двинулись его двадцать два вассальных рыцаря. Трубы заиграли сигнал к атаке, и все войско христиан пришло в движение.

Из-под мощных копыт дестриеров вырывались комья земли, плащи с крестами взметались от скачки, ветер трепал флажки на наклоненных копьях. Прикрывшись щитами, выкрикивая девизы и имя Господа, неслась рыцарская кавалерия, а за ней бежала плотной массой пехота.

Брат Вальтер врезался в арабов, сбив первых двух попавшихся на пути. Высоко подняв копье с флагом ордена, он словно подавал другим личный пример храбрости и гордости за свой орден. Арабы окружили его. Начался неравный бой. Неподалеку врубился в ряды противника Карл фон Лихтендорф, ловко работая длинным мечом, он крушил и людей и лошадей, не позволяя врагу сомкнуться вокруг него.

В это мгновение арабское войско пришло во встречное движение по всему фронту и крики «Алла!» чуть было не оглушили Штернберга.

Два войска сошлись... Грохот столкнувшихся и падающих всадников, лязг щитов о щиты, мечей о мечи. Все перемешались – и христиане, и мусульмане, окрашивая изображение и креста и полумесяца в красный цвет войны. Копья пронзали насквозь, мечи отрубали конечности, булавы плющили шлемы, а вместе с ними и головы. Те, кто потерял или сломал оружие, сцеплялись врукопашную с противником прямо в седле, стаскивая друг друга на землю – на верную смерть под копытами.

Штернберг таранным ударом копья выбил из седла одного из наступавших арабов. Второму, попавшемуся на пути, копьем пробил щит, плотно прижатый к телу. Наконечник вошел в незащищенную кольчугой грудь, и древко сломалось, ибо граф продолжал движение, а противник остался позади. Выронив теперь уже бесполезное копье, Штернберг схватился за меч. Вокруг него и на него мчались конные арабы, кто мимо, лишь задевая, а кто целенаправленно, схватываясь с ним. Граф отбивался мечом, прикрывался щитом, уходил от ударов, которые сложно отбить. Тут его оттеснили от противника около десятка венгерских рыцарей. Штерн-

берг, получив минутную передышку, огляделся. В хаосе боя никого толком разглядеть было невозможно. Сцены перед глазами постоянно менялись – каждое мгновение кто-нибудь падал, обливаясь кровью, и на его место приходил другой. Одно было ясно – его рыцарей рядом нет. Штернберг страдал от жары, воздуха не хватало, но снять топфхельм было опасно для жизни. Впереди перед ним только что зарубили госпитальера. Граф подумал: уж не тот ли это смельчак? Удар топора, обрушившийся на его голову, тут же возвратил Штернберга к мыслям о своей собственной судьбе. Удар получился вскользь, так как здоровый широкоплечий сарацин свалился зарубленный появившимся невесть откуда Зигфридом Когельхаймом – старым рыцарем из отряда графа, бывшим также его учителем ратного дела в юности, а проще говоря, его дядькой. Топфхельм не раскололся, но Зигфрид знаком дал понять Штернбергу, что надо быть начеку.

Неподалеку, справа от графа, высоко над сражающимися вздымалось знамя герцога Австрийского с двумя красными и белой полосой посередине. Граф направил своего коня туда, а Зигфрид за ним. Рубя попадающегося навстречу противника, они с трудом добрались до немецкого отряда. Вопреки ожиданию, герцога Леопольда среди них не было. Штернберг очень надеялся, что их предводитель жив и бьется где-то на другом участке фронта. Немцев было восемь. Они встали кругом, держа в центре знаменосца и не давая врагам приблизиться, чтобы завладеть знаменем. На Штернберга налетели двое, и он был вынужден остановиться и ввязаться в бой. Когда граф расправился с ними, он увидел, что маленький отряд голландцев уменьшился ровно наполовину и они уже не держали круговую оборону, а бились каждый за себя. Весь израненный знаменосец отбивался штандартом. Штернберг пришел ему на помощь и отогнал сарацин. Подоспели копейщики. Поддевая холеных арабских скакунов на копыта и выпуская им внутренности, они быстро очистили вокруг себя пространство, добывая раненых врагов. Знаменосец герцога Леопольда Австрийского передал знамя одному из соотечественников и умер, склонив голову на шею своего коня.

И тут Штернберг увидел впереди сарацина в богатых доспехах, разукрашенных арабесками. Лицо воина было скрыто *личинной* конусовидного шлема с *бармицей*. Вокруг него находились воины с такими же личинами, хорошо вооруженные, в отличие от многих других арабов, на красивых вороных конях. Граф подумал, что это один из эмиров и убить его – значит не только прославить свое имя, но и ускорить общий разгром противника, ибо без полководца, Штернберг был уверен в этом, враги побегут.

Он пришпорил коня, указывая Зигфриду мечом на эмира. Тот послушно следовал рядом, прикрывая правый фланг графа. Бой с гвардией эмира уже завели несколько палестинских рыцарей, поэтому до него самого добраться стало легче, но тут, отвлекшись на кого-то, Штернберг увидел в стороне от эмира рыцаря, на груди и плаще которого красовался герб – золотой *цикламор*, увитый розами. Это был брат Конрад фон Лотринген. Он попал в беду. Вражеские пехотинцы плотной массой окружили его, не давая ходу коню, и кололи Лотрингена копьями, мечами и ножами, куда доставало оружие и рука. Сюрко Конрада превратилось в лохмотья, кольчуга на *шоссах* уже не спасала, кольца ее разошлись, и по ногам сочилась кровь. Штернберг думал всего мгновение – атаковать эмира, убить его и прославиться или спасти брата. Зарывав, граф ринулся к брату. Какой-то конник ударил его дестриера ногой в морду и тут же получил от графа мечом в лицо. Трупы уже устилали все пространство под копытами коней, и двигаться было тяжело. Наконец арабы добились своего – Лотринген упал. Они занесли над ним оружие, чтобы под радостные крики добить, но Штернберг и Зигфрид Когельхайм были уже рядом. Они изрубили пехотинцев, и брат протянул руку брату. Лотринген пытался подняться, но израненные ноги не слушались. Штернберг наклонился ниже, дабы рывком поднять Лотрингена, но почувствовал сильный удар по голове, загудевшей тысячей колоколов, и провалился в черноту.

Штернберг закрыл глаза и зевнул, но, несмотря на усталость трудного боевого дня, сон никак не шел. Наплыв мыслей и воспоминаний не давал графу расслабиться и забыться. Вот и сейчас, воскрешая в памяти тот день битвы под горой Фавор, случившейся месяц назад, он все думал о превратностях судьбы. Брат Вальтер, который один поскакал на целое войско арабов и какое-то время бился в одиночестве, остался жив, а сколько славных рыцарей, бившихся бок о бок со своими товарищами, погибли. Нет, Штернберг уже не завидовал славе этого госпитальера, он был рад, что остался жив. Когда его ударили сзади по голове и он лишился сознания, Зигфрид Когельхайм с помощью нескольких рыцарей графа, оказавшихся по чистой случайности рядом, и нескольких копейщиков крестоносцев вырвали двух братьев из круговерти смерти и вынесли с поля боя. Христиане тогда разгромили мусульман, а два эмира погибли. Один из них должен был достаться Штернбергу, но граф понял, что на все воля Божия. Все, что ни делается, все к лучшему. Кто знает, был бы сейчас жив, атакуй он тогда эмира, или пал смертью храбрых? И был бы сейчас жив его брат Конрад? Но, черт возьми, находиться все время на краю бездны, рисковать всем и никогда не смиряться, продолжая борьбу, искать новых приключений и подвигов – в этом и есть прелесть жизни, вот когда остро чувствуешь ее вкус. Когда знаешь, что завтра ты можешь легко погибнуть на турнире, дуэли, войне или на охоте, именно тогда и любишь еще сильнее и крепче, будто в последний раз, и глоток простой воды из лесного ручья кажется лучше любого рейнского вина, а дружбу и верный меч ценишь больше, чем золотые побрякушки и милость государя.

Граф потерял глаза и поднялся. Он был роста выше среднего, крепкого сложения, с русыми волосами и серыми глазами. Давно не бритая щетина уже обрела подобие бороды. Белые шелковые подушки, на которых он лежал, испачкались кровью. Штернберг обратил на это внимание, но тут же махнул рукой. Не жалко. Жалко стальные башмаки, на которых густо налипла кровь, – они могут заржаветь, а отчищать их от ржавчины трудно.

Два часа назад закончился третий по счету штурм сарацинской крепости на горе Фавор. И опять неудачно. Двухтысячный гарнизон за мощными стенами, усеянными высокими башнями, держался стойко и нес весьма незначительные потери по сравнению с атакующими. Возвращаясь в лагерь, Штернберг видел, какое удручающее действие произвело на крестоносцев очередное поражение. Очень многие роптали, считая, что пора бы уже двинуться на Иерусалим или еще раз попытаться овладеть Дамаском, а некоторые вслух подумывали о возвращении домой. Граф и сам был не в духе. Мало того, что сегодня большой камень, пущенный со стены, чуть не угодил ему в голову, так еще и его оруженосец погиб, заживо сгорев, облитый кипящей смолой.

Поворочавшись на шелковых подушках, добытых Зигфридом в разграбленном сирийском селении, граф поднялся и стал снимать с себя кольчугу, шоссы и железные башмаки. Без посторонней помощи снимать доспехи было тяжело, но Штернберг кое-как справился сам, не зовя никого. Ему хотелось побыть одному.

Раздевшись, он снова лег. Наступала ночь, и бледная луна заглянула в круглое вентиляционное отверстие в крыше палатки. Глядя на луну, он вспомнил мать и тот вечер перед отправлением в Крестовый поход, когда она плакала, прижимая сына к себе. Тогда это проявление материнской любви казалось Генриху неловким и даже смешным, он постарался скорее освободиться из ее объятий и уверенным голосом, ободряя мать, обещал, что с ним ничего не случится и он вернется невредимым. Обязательно вернется. Сейчас, видя смерть и сам себя вокруг себя, граф до боли в душе пожалел, что не дал тогда матери подольше подержать его у своей груди, не сказал ей важных слов, все равно каких, ведь перед расставанием все слова кажутся важными.

К матери он был привязан больше, чем Конрад. Он наследовал ее родовое графство – Штернберг, там ему нравилось больше, чем в Лотрингене, где он родился и вырос. Земли отца наследовал Конрад, и, словно бы зная, что достанется ему по решению родителя, Генрих при

каждом удобном случае в детстве выезжал в Штернберг. Оба графства находились во *Франконии*, и через их территории протекал Рейн.

Сейчас граф вспомнил, как Зигфрид Когельхайм учил его плавать в пятилетнем возрасте. Мать стояла на берегу и зорко следила, чтоб с сыном ничего не случилось. Вообще чаще с детьми находилась мать, а не отец – Людвиг фон Лотринген, хотя на воспитании это никоим образом не отразилось. И Конрад, и Генрих с детства большую часть времени проводили в обучении военному делу и рыцарским навыкам.

Людвиг фон Лотринген постоянно где-нибудь отсутствовал. Только вернувшись из Крестового похода, он увидел своего первенца – трехлетнего Конрада. Он постоянно рассказывал сыновьям о великом Фридрихе Барбароссе – покорителе Италии, наводившем ужас на сарацин. Людвиг говорил громко, выразительно жестикулируя, тем самым подогревая интерес к своим историям. Генрих слушал его, раскрыв рот, а Конрад часто позевывал. Особенно часто старший Лотринген рассказывал о том, как был свидетелем гибели императора в реке Селеф. Со слезами на глазах он подробно описывал сцену, в которой участвовал сам, – извлечения тела из бурного горного потока. Именно отец и разжег в Генрихе интерес к Крестовым походам и мечту самому отправиться отвоевывать Иерусалим.

Людвиг фон Лотринген жил дома набегам. После Третьего крестового похода начался Четвертый, и он участвовал в штурме Константинополя, но был ранен и вернулся на родину. Поправившись, отправился к родственнику в Австрию, там поучаствовал в междоусобице между двумя соседями-феодалами. Потом начался долгий конфликт за императорский трон Германии, и Лотринген поддерживал Штауфенов – потомков его кумира Фридриха Барбароссы, против *Вельфов*. И лишь три года назад, упав с лошади на охоте и оставшись хромым, угомонился и более из замка не выезжал, стесняясь своего увечья. Отец всегда был примером для Генриха своей неутомимостью. Генрих хотел именно такой жизни, полной подвигов и приключений.

Нет, сейчас, глядя на сгущающиеся сумерки в окне, он не грустил о доме. Он просто любил его вспоминать. Так душа отдыхала от крови и насилия этого дня.

Колокольчик, подвешенный у полога палатки, зазвенел.

В палатке было душно, с улицы доносились стоны раненых, пьяные окрики и жужжание мух. Их было много – черных и жирных. Штернберг отмахнулся от нескольких, залетевших внутрь и упорно кружащих вокруг него.

– Что, смерть почуяли, твари? – пробурчал он и усмехнулся. – Да, их не обманешь. Чувствуют того, кто сеет смерть, и идут по его следу, чтобы потом и с ним расправиться. Рано! Рано, мерзкие создания! Пошли вон отсюда!

Штернберг взял мех и глотнул вина.

Колокольчик снова подал о себе знать.

– Кто там еще?

– Это я, господин граф, Ганс, – послышался в ответ неуверенный голос.

– Ну ладно, входи, раз уж пришел. Все равно заснуть не могу.

В комнату вошел парень лет двадцати, в рубашке, еще носившей следы недавно снятой кольчуги, и холщовых штанах. Худощавый и веснушчатый, с копной золотистых волос, еще полгода назад он был *миннезингером*, которого Штернберг повстречал в лесу во время охоты. Честность и простота парня привлекли графа, и он пригласил его в замок. А потом позвал с собой в Крестовый поход. Ганс Рихтер и мечтать не мог попасть в свиту высокородного сеньора, а тут такая удача. Конечно, он согласился. Вместе с ним в замок пришли его мать и отец – бродячие артисты. Они в душе погоревали, что сын покидает их, но все же новая судьба, ожидающая Ганса на службе у графа, обрадовала родителей. Они верили, что сын, добившись чего-то в жизни, не забудет их на старости лет. И лишь война, на которую отправится Ганс,

омрачала родительскую радость. Ганс за полгода службы показал себя ловким, смелым и физически крепким молодым человеком.

– Ну чего ты встал у дверей? Проходи сюда, на вот, выпей со мной вина. – Граф протер глаза, зевнул и попытался улыбнуться.

Ганс, стесняясь, подошел.

– Ну что ты как не свой, Ганс? Садись рядом. Пей и рассказывай, где был, что видел. А! Что видел, я и сам знаю! И чувствую. Вон как с улицы смердит.

– Истинно так, господин граф. Ужас, что творится!

– И я не одобряю подобную жестокость. Да, штурм опять был провальным, но зачем же нужно убивать этих пленных крестьян, которые и знать ничего не знают о передвижениях сарацинской армии, к тому же безоружные, голодные и оборванные, кому они могли показаться подозрительными? Кто первый отдал приказа убивать их? Зачем вообще надо было их захватывать? Вместо того чтобы основательно готовиться к штурму, многие крестоносцы просто грабят окружающие гору селения, приводят сюда этих несчастных пленников, и все для чего? Чтобы потом вымещать на них свою злость из-за неудач! Отвратительно! Какой позор для рыцарства!

– Я никогда такого не видел... – растерянно проговорил Ганс, делая глоток вина. – Зачем такая жестокость? Пусть это неверные, но все же? До сих пор перед глазами стоит резня, что я видел неподалеку отсюда. Несколько *мадьяр* заставили одного крестьянина танцевать перед собой, по очереди нанося ему мечами легкие раны на руках и ногах. Тот человек плакал, но продолжал танцевать, пока не истек кровью, ибо все конечности у него были изрезаны. Он упал и стал молиться. Мадьяры не дали ему сделать это до конца и прикончили.

– Ты пришел, чтобы рассказать мне об этом, Ганс? Или у тебя что-то другое? – И не успел миннезингер вымолвить ни слова, как граф добавил: – Впрочем, ты правильно пришел. Я сам хотел тебя звать. Сегодня погиб мой оруженосец Морольд, и я хотел бы, чтобы ты занял подле меня его место. Что скажешь?

Ганс растерялся от неожиданного предложения. Радость от столь высокой чести, оказанной ему, мешалась с тем делом, по поводу которого он пришел к графу, но теперь уже не смел о нем говорить.

– Я недостоин, господин граф, – пролепетал Ганс, – есть другие, которые...

– Конечно, есть, Ганс! – перебил его Штернберг. – Достойных сколько угодно, но ты такой один, а я предлагаю только один раз. Согласен? Вижу, что да! Вот и славно. Так ты мне что-то хотел сказать?

– Да, благодарю за честь, господин! Я постараюсь быть достойным вашего герба и оружия, которое понесу в бой. А я хотел просто спросить про письма. Возможно, вы что-то написали домой и...

Ганс густо покраснел и замолчал.

– Нет, писем я не писал, – ответил Штернберг, прекрасно понимая, куда клонит Ганс. – Мы еще не так давно прибыли из Германии и недолго пробыли здесь, так что письма пока подождут. Теперь это уже точно не твоя забота. Когда напишу, отошлю их домой со слугой. Слишком много сегодня насилия и неудач, правда, Ганс? Хочется забыться, подумать о чем-то другом. Спой мне ту песню о любви.

– Какую? У меня их много!

– Много-то много, но только одна мне больше всех нравится. Ту, что ты пел, когда я тебя в лесу повстречал. Помнишь день нашего знакомства?

– О, как не помнить, господин граф! И день помню, и песню!

– Ну так спой, Ганс. Очень хочется сейчас чего-нибудь светлого.

Ганс, откашлявшись, запел:

Свети мне, мой ангел, высокой звездой,
Сквозь годы всегда мне свети...
Навек сохрани мой душевный покой,
От ложных дорог защити.

Тебя я восславлю в бессмертных стихах,
Пусть даже ты светишь другим.
Дыханье твое сохраню на щеках
И в смерти останусь твоим.

Генрих фон Штернберг печально улыбнулся и, закрыв глаза, откинулся на подушки. Когда Ганс спел про дыхание на щеках, Генрих вспомнил свою единственную возлюбленную. И спустя годы словно бы вновь почувствовал ее ароматное дыхание рядом с собой. Когда ему было семнадцать лет и он служил пажом у герцога баварского, там, при его дворе встретил совсем юное создание, просто ангела, как ему показалось. Ее звали Анна. Их бурный роман так же бурно и закончился. В свои неполные пятнадцать она была не по годам умна и расчетлива. Когда ее отец подыскал для дочки хорошую партию – какого-то старика-князя из Богемии или Польши – Генрих уже не помнил, – она вышла за него, лишь только молодой граф уехал по поручению герцога Баварского. Этот князь был знаменитый покоритель языческих племен, отпетый бабник и богач. Поначалу Генрих хотел было вызвать его на дуэль, но потом все улеглось само собой. Он понял: это была вовсе не любовь, а юношеское увлечение.

А Ганс все продолжал петь, и песня эта о вечной любви звучала очень странно и нелепо в военном лагере, где над кровью, пролитой ранеными, и над трупами летали мухи и уже подкрадывались голодные псы. Но голос певца, на короткие минуты забывшего все виденные им сегодня ужасы, был тверд и звонок. И звучал правдиво, без всякого оттенка фальши, словно под окном девушки.

Пусть в жизни земной я как будто чужой,
Но крест донесу до конца.
Как нимб вознесу я твой образ святой,
Когда разобьются сердца.

Любовью своею, как славой, горжусь,
Горит она вечным огнем.
И грешной душою тебе поклонюсь
Я в храме хрустальном твоём.

Ганс закончил петь и посмотрел на графа, словно готовясь ему что-то сказать. Штернберг открыл глаза, и их взгляды встретились.

– Спасибо, Ганс, – тихо промолвил граф. – Есть песни для войны и для мира, и все они хороши. Люблю песни. Ты еще что-нибудь хочешь спеть?

– Я? Да нет... – Новоиспеченный оруженосец смутился, видимо, передумав говорить то, что хотел. – Я просто... Можно мне пойти отдохнуть?

– О! Конечно, Ганс, иди, ложись спать, день выдался не из легких. Да будь рядом, а утром разбуди меня песней.

– Хорошо, господин граф. Доброй ночи.

Ганс вышел из палатки и со злости на самого себя ударил себя по голове. Ему было стыдно. Стыдно за то, что он пошел к сеньору не для того, чтобы спеть ему песню или развлечь разговором, а, поддавшись минутной слабости, просить графа отпустить его домой, якобы с

письмами. Но песня о любви погрузила его в воспоминания о своей возлюбленной – пастушке Марте из замка Лотринген. Он познакомился с ней, как только граф фон Штернберг привел его в замок отца. Чувство, вспыхнувшее между ними, как казалось Гансу, было вечным, и он, отправляясь в поход, хотел прославиться, а вернувшись – жениться на Марте. И вот, впервые увидев ужасы войны, он струсил и захотел сбежать! А граф по доброте своей сделал его своим оруженосцем. Ганс мысленно пообещал себе: если возникнут подобные мысли, постоянно вспоминать Марту и родителей, взывая таким образом к своей совести.

– Ты чего себя по голове лупишь? – спросил подошедший к палатке Конрад фон Лотринген. – Ты сдурел, что ли?

Ганс, смутившись, не нашелся, что сказать, и, невнятно промямлив приветствие, поспешил скрыться.

Штернберг отмахивался от мух, донимавших его, когда в палатку вошел Лотринген. Он был старше Генриха на четыре года, но внешне они так сильно походили друг на друга, что казались почти близнецами. И только выражение лица, говорившее о многом, у братьев резко различалось. У Генриха – почти всегда непринужденное, веселое, восторженное, мечтательное, вдохновенное. А у Конрада – почти всегда холодное и надменное.

– Ты не ранен, Генрих? – спросил он с порога. – Я слышал, твой оруженосец погиб.

– Да, храбрец Морольд пытался вскарабкаться на стену, но его камнем, как червяка, расплющило. Нам бы осадных машин, а в этой голой местности ни деревца не растет. Без катапульт и требуше сарацин из их гнезда не достать.

– Так ты цел?

– Да, все в порядке, Конрад. А ты где был во время штурма? Мы же вместе вели наши отряды из лагеря, но, когда поднимались на гору, тебя рядом уже не было?!

– Я не повел своих людей на гибель.

– О чем ты, брат? Мы пришли на войну, а не на прогулку! То есть, пока другие крестоносцы карабкались в гору, а потом штурмовали сарацинские стены, ты преспокойно на все это смотрел?

– Да, смотрел, но совсем не спокойно. Мне горько было видеть, что погибает столько христиан, славных рыцарей, а все почему? Потому, что поход наш плохо организован. Посмотри внимательно, Генрих! Армия крестоносцев большая, но, как ты правильно заметил, без осадных машин даже самой большой армии в мире хорошо укрепленную крепость на горе не взять. Кто должен был позаботиться об осадных машинах? Конечно, король Иерусалимский! Но что делает этот старикан? Он с важным видом обходит наши позиции, ругает тех, кто пьянствует или разбойничает по округе, но на этом все. Своей властью короля Иерусалимского Жан де Бриенн должен был наладить жесткую дисциплину, но он не может этого сделать, так как немцы и венгры ему не подчиняются, а герцог Австрийский и король Венгерский сами чувствуют себя ровней королю Иерусалимскому. Так вот, мы пришли сюда, к горе Фавор, случайно, без должной подготовки, разведки, только потому, что под Дамаском нас могли окружить сарацины. Нам указал это место Рауль де Меранкур. Его святейшая особа только и мечтает, что об освобождении святынь, и все слушают его, вместо того чтобы не тратить здесь попусту время и силы, а идти на неверных, пока у нас еще есть большая армия. Нам просто необходимо крупное сражение. Султан ловко избегает его, уходит от нас, а мы, вместо того чтобы упорно идти за ним, стоим под этой горой, а он со всех своих земель собирает войска, а потом окружит нас, и мы побежим.

Штернберг видел, что в душе у брата накипело и ему очень хотелось высказаться, затем он и пришел к нему.

У Лотрингена был свой сложный внутренний мир, полный критического отношения ко всему окружающему. Основной чертой характера Конрада с детства был дух противоречия, подчас доходящий до абсурда. Он не соглашался ни с чем, что принималось на веру другими

людьми. Он на все имел свое собственное, чаще всего отличное от всех, мнение. И отстаивал его как мог. Когда детьми Генрих и Конрад упражнялись во владении мечом, младший из братьев доводил себя занятиями до изнеможения, тщательно выполняя все указания Зигфрида Когельхайма, а старший бросал оружие и уходил, если ему это надоедало. За своеволие его часто наказывали, в том числе и физически. Отец не церемонился, если его не слушались. Все же, несмотря ни на что, Конрад стал хорошим воином, выучился немного читать и писать. В семье его все любили, но никто не понимал, даже Генрих, с которым они проводили большую часть времени. Когда Конрад объявил, что женится на Хельге – дочери друга его отца, – все вздохнули с облегчением, думая, что именно нехватка внимания со стороны женского пола была причиной неуживчивости Лотрингена. И любовь их была взаимной. Но, несмотря на рождение сына Фридриха, Конрад вскоре охладел к Хельге. Он все реже посещал ее спальню, на людях был вежлив, но не более, меньше времени стал проводить с сыном. Хельга, безумно любившая его, очень страдала. И главная причина ее страданий была в том, что она не находила причины, по которой Конрад так изменился. Хельга старалась во всем угодить мужу, но этим только раздражала его. Она подумала, что после родов подурнела и муж завел любовницу, но ее люди, следившие в течение нескольких месяцев за каждым шагом Конрада, не обнаружили ни одного факта измены. Хельга плакала, умоляла Конрада сказать, что не так, но он молчал, замыкался в себе и всегда уходил. Единственное, что ее радовало в этой ситуации, что хоть он ее не бьет, как остальные мужья своих жен. Но Конрад сам страдал не меньше ее, хоть и старался поначалу не признаваться себе в этом. Он понимал, что так дальше продолжаться не может, но не знал, что делать. С каждым днем становилось только хуже. Он стал безразличен ко всем родным и вообще ко всему окружающему, стены замка, казалось, давили на него своей глыбой и не давали свободно дышать. Ему хотелось поменять все. Все вокруг и в себе. И когда Штернберг пришел радостный и сообщил о том, что герцог Австрийский собирается в Святую землю, он немедленно принял решение, хоть пока и не во всеуслышание. Даже здесь он не изменил своему характеру, дав возможность Генриху уговаривать его в течение часа, и лишь потом нехотя согласился, приведя массу оговорок, чтобы его не считали фанатиком, каковыми, по его мнению, были отец и брат.

И вот, когда настал день отправления в поход, Конрад наконец ощутил грусть расставания и нежность к родным людям, которых он покидал. Он нежно обнял жену и поцеловал двухлетнего Фридриха, а уже находясь в седле, спешил, чтобы обнять мать и отца. Он очень обрадовался этой грусти, ибо понял, что не окончательно стал мертвым камнем и еще способен чувствовать, а значит, полноценно жить.

– Я останусь сегодня у тебя? – спросил Конрад.

– Конечно, еда, вино – все есть! Оставайся!

– Я предпочел бы холодной воды, голова очень болит.

– Что-то произошло?

– Да тут, рядом с местом, где я расположился с отрядом, австрийцы и мадьяры устроили резню над местными крестьянами. Да ты уж слышал, наверное!

– Слышал об этом.

– Я подошел к ним со своими рыцарями, по-хорошему просил, чтобы ушли подальше от моих палаток, чтобы кровью их не забрызгали, да трупы еще вонять начнут, их же убирать эти пьяные рожи не станут. Мадьяры пьяный ор подняли, кричали, что мы сочувствуем сарацинам. В общем, пришлось нам проучить их.

– Многих убили? – спросил Генрих.

– Человек пять-шесть остались лежать. И это были рыцари. Они пришли в Святую землю Гроб Господень освобождать, а сдохли, как псы.

– Тебе их жаль?

– Нет. Жаль уже в который раз убеждаться в том, что ни одно дело не свято, если его выполняют грешники.

В палатку без всякого предупреждения вошел друг обоих братьев – граф Карл фон Лихтендорф. Он был в доспехах и при мече. Его красивое молодое лицо с тонкими усиками расплылось в улыбке:

– Очень хорошо, что я застал вас обоих!

– Что случилось, Лихтендорф? – спросил Штернберг, не ожидавший увидеть своего друга в этот поздний час, так как знал, что граф в это время обычно развлекается с девицами, следующими за ним по пятам из самой Германии, которым он платил за это приличные деньги.

– Собирайтесь, господа, сейчас начинается большой совет у короля Иерусалимского, мы не должны его пропустить!

– Но разве нас с братом на него приглашают? – удивился Лотринген. – Мы не такие важные сеньоры, чтобы короли да герцоги советовались с нами.

– Герцог Австрийский лично сказал мне, чтобы я привел побольше знатных и храбрых рыцарей. А кого же еще вести на совет, как не Лотрингена и Штернберга, моих друзей, а ваш род, как и мой, уверяю вас, намного древнее всех этих сирийских баронишек, чьи отцы-голландцы приехали в Святую землю с одним мечом и без гроша в кармане. Да сам Жан де Бриенн не блещет родословной. Мы такая же ровня ему, как и он – нам, просто титул громкий у него есть.

– А еще поддержка папы римского и европейских королей! – вставил Лотринген.

– А что за совет такой, что герцог не может обойтись без поддержки? – осведомился Штернберг, пытаясь самостоятельно надеть кольчугу.

– Совет очень важный, герцог сказал мне, что сегодня будут обсуждать судьбу всего похода.

– О! – воскликнул Штернберг. – Конрад, мы должны хорошо выглядеть, чтобы все запомнили нас и никто не посмел бы тыкать в нас пальцами.

– Черт, ты словно девушка, Генрих! – хмыкнул Лотринген.

– Штернберг прав, – отозвался Лихтендорф. – Сегодня соберется весь цвет рыцарства. Я надел новое сюрко, здесь герб вышит больше, чем обычно, и мои родовые львы более устрашающие.

Генрих при помощи брата наконец надел кольчугу, а поверх нее сюрко с родовым гербом Штернбергов – на белом поле черная гора, в которую воткнут меч. Препоясавшись мечом, граф выглянул из палатки и кликнул Ганса. Миннезингер, еще не свыкшийся с обязанностями оруженосца, сонный и потому плохо соображающий, пришел лишь через несколько минут, чем вызвал шквал ругани от своего сеньора.

Тем не менее уже через четверть часа они выступили к шатру короля Иерусалимского, стоявшего в середине лагеря. Братья шли в сопровождении каждый пяти своих рыцарей и оруженосца. Лихтендорф вел за собой более внушительный эскорт – пятнадцать рыцарей. Он не был вассалом Леопольда Австрийского, но благодаря своей знатности, богатству, а также храбрости и уму добился доверия и уважения герцога.

У шатра иерусалимского короля уже толпилось много народу. Немецкие и венгерские сеньоры, кичась друг перед другом, приводили своих рыцарей, кто сколько мог, и теперь, чтобы протолкнуться ко входу, приходилось чуть ли не локтями работать, слыша в спину недовольные окрики и брань. Штернберг хотел было усмирить какого-то зарвавшегося рыцаря, посмеявшегося не только нагубить ему, но и толкнуть в плечо, но Лотринген сказал, чтобы он запомнил герб грубияна и разобрался с ним завтра.

Королевский шатер был полон. Леопольд Австрийский сидел на лавке неподалеку от входа в окружении восьми наиболее знатных графов и баронов. Увидев Лихтендорфа, герцог

жестом подозвал его и выделил на лавке место неподалеку от себя. Герцог был немного взволнован и теребил ус, поглядывая на сидевшего напротив него венгерского короля Андраша, что-то с увлечением рассказывающего своему сенешалю Деметру Абе. Еще с десятков сеньоров плотной стеной окружали монарха с трех сторон, зло поглядывая на всех присутствующих в шатре.

– Король, похоже, хвастается новыми мощами, которые недавно приобрел, и не без помощи Иерусалимского патриарха! – ухмыльнулся герцог.

– Говорят, он пьет из кубка со знаменитой свадьбы в Кане Галилейской! – подхватил Лихтендорф. – Смотрите, какая у его величества елейная физиономия, не иначе как к тому самому кубку сегодня хорошо приложился!

– Ха-ха! – рассмеялся герцог. – Великий король только и думает, что о святых косточках да о Дамаске. Сеньоры, готов на что угодно с вами спорить, что Андраш сейчас опять начнет свою старую песню про Дамаск. Никто не знает, может, там святой какой захоронен и это его мощи так притягивают короля?

– Смотрите! – прошептал один из немецких сеньоров. – Сенешаль короля смотрит на нас вызывающе, он словно чувствует, что мы смеемся над ними.

– Давайте успокоимся! – примирительно сказал герцог. – Деметр отчаянный, но не глупый. Ему нас задирать нечего. Я как-то говорил с ним и объяснил, что он находится в кругу благородных рыцарей, а свою несдержанность пусть проявляет в землях русов и поляков.

Штернберг весь превратился в слух. Он старался не пропустить ничего, что говорил герцог Австрийский и его сеньоры, попутно внимательно присматриваясь ко всем, кто был в шатре. Генрих чувствовал, что вот, наконец-то, он участвует в чем-то значительном, о чем можно потом рассказывать, конечно, немного приукрашивая свою роль.

Он впервые видел Жана де Бриенна – этого деятельного, неутомимого старика, участвовавшего в двух Крестовых походах, ставшего из незнатного рыцаря могущественным королем, успевшего уже дважды жениться на девушках, годящихся ему во внучки. Штернберг слышал от многих людей, как болезненно переживал этот престарелый король по поводу своего титула, наполненного лишь грустью по утраченной святыне. Король Иерусалимский ни разу не видел Иерусалима и почти не надеялся когда-нибудь увидеть его. И когда он заговорил, а толмач герцога быстро переводил с французского на немецкий, Штернберг проникся глубоким уважением к сединам этого короля, много повидавшего за долгую жизнь. Поглаживая густую окладистую бороду, Жан де Бриенн медленно и вдумчиво зачитывал донесения, приходившие к нему из Европы и из Сирии. В них говорилось, что подкреплений от христианских государей ждать не стоит, а значит, необходимо рассчитывать только на имеющиеся силы. Армия султана Аль-Адила, не только не разгромленная, но еще более воодушевленная, чем несколько месяцев назад, стягивается к Дамаску. Туда же идут отряды трех сыновей султана. Жан де Бриенн предположил, что, лишь только крестоносцы вновь выдвинутся к Дамаску, сарацины начнут отступать, заманивая христиан все дальше вглубь своей территории, чтобы потом взять их в кольцо и разгромить, как это уже было при Хаттине. Поэтому король предложил совершенно неожиданный для всех собравшихся в шатре ход. Направить основной удар не на сирийские города, а в Египет – в самое сердце державы Эйюбидов. Флот может быстро доставить крестоносцев к египетскому берегу, тогда как войскам султана понадобится много времени для перехода из Сирии в Египет, и ловкий маневр может удалиться. При хорошем стечении обстоятельств христиане смогут захватить Каир и диктовать свои условия Аль-Адилю, и в первую очередь – об освобождении Иерусалима.

Бозмунд Антиохийский, недолюбливающий Жана де Бриенна, так как считал его выскочкой, в целом согласился с идеей короля, тем самым, впервые за долгое время, порвав нить напряжения, существовавшую между двумя главными сеньорами на христианском востоке.

Жан де Бриенн горячо поблагодарил князя, и все присутствующие на совете поняли, какой это важный для них обоих был момент. Рыцари иерусалимского короля и антиохийские рыцари, ранее также соперничающие друг с другом, теперь стали жать друг другу руки и обниматься.

Но не так прост был князь Боэмунд. Его согласие с королем имело глубоко продуманные, материальные интересы. Большая армия крестоносцев поглощала очень много припасов, к тому же держать Божьих воинов в узде являлось делом весьма сложным, и если вовремя не направить их на длительную войну, то стоявшая на пороге зима заставит их расположиться на несколько месяцев в Святой земле и все тяготы по их содержанию лягут на плечи местных баронов, и в первую очередь князя и короля Иерусалимского. На Жана де Бриенна ему было плевать, но свои владения от разнузданности голодной армии крестоносцев он хотел защитить.

А вот Рауль де Меранкур, патриарх Иерусалимский, был неприятно удивлен единодушием короля и князя, говоривших вовсе не о новых приступах сарацинской крепости на горе Фавор, а о каком-то сомнительном предприятии в Египте. Он стал спрашивать их о намерении напасть на Египет после того, как христиане вернут себе место Преображения Господня. Король и князь, многозначительно переглянувшись, почти хором ответили, что их войска уходят от этой горы и более никаких штурмов не будет. Брызгая слюной от злости и возмущения, патриарх стал сыпать угрозами. А когда этот метод действия не возымел, он вновь став кротким, словно агнец, пытался образумить христианских сеньоров, делая упор на то, что святыня остается в руках неверных и что же скажет Христос, глядя на них с небес, если им совсем не дорого место, где Он явил ученикам Свое Божественное величие. Патриарх в своей речи объявлял, как страдает на небесах Господь, видя, что Назарет, Вифлеем, Иерусалим под пятой нечестивцев, а Божьи воины стремятся вовсе не туда, а в какой-то проклятый Египет. Рауль де Меранкур, отчаявшись повлиять на Жана де Бриенна и Боэмунда Антиохийского, с надеждой смотрел на короля Венгерского и герцога Австрийского. Но в их холодных глазах он не встретил понимания. Леопольд Австрийский, с легкой усмешкой на губах, шепотом сказал своим сеньорам, что старик совсем рехнулся и такими бреднями времен первых походов крестоносцев теперь не увлечь. Видя, что король и князь ждут его решения, он быстро понял, как хорош план Жана де Бриенна, ибо знал, что дальнейшее стояние у Фавора грозит армии быстрым распадом и возвращением домой, а пока герцогу это было не нужно. Являясь человеком довольно набожным, поддерживающим рыцарские и нищенствующие ордена, он тем не менее был в первую очередь хорошим политиком и стратегом и ненавидел фанатиков, которым, как он понял, является Рауль де Меранкур.

Боэмунд Антиохийский пытался объяснить патриарху всю бессмысленность штурмов крепости на горе Фавор, когда нет осадных машин, надвигается зима и боевой дух армии, вследствие трех неудачных приступов, значительно упал. Но все было бесполезно. Патриарх, будто скала, стоял на своем, грозя унести от недостойных воинов Божьих благословенную реликвию – частицу Честного Креста. Леопольд Австрийский встал и, выказав поддержку наступлению в Египет, прекратил тем самым дальнейшие бесплодные прения с патриархом.

Но оставался еще Андраш Венгерский, слушавший всех со скептической миной. Деметр Аба что-то постоянно нашептывал королю, от чего лицо монарха все более мрачнело. Когда настал черед высказаться ему, Рауль де Меранкур, затаив дыхание, ждал его слов, как последнюю надежду. Но и здесь патриарха ждало жестокое разочарование. Венгерский король, напирая на то, что контингент его войск в армии крестоносцев самый многочисленный и без него любые предприятия против сарацин все равно обернутся неудачей, уверенно гнул свою линию про овладение Дамаском. Он соглашался с бесперспективностью осады Фавора, но идти готов был только на Дамаск, громить там Аль-Адила и его трех сыновей, а потом, по обстоятельствам, двигаться на Иерусалим. Любые попытки сдвинуть этого упряма с занимаемой им позиции наталкивались на глухую стену презрения и надменности. Даже увещевания герцога

Австрийского, которому Андраш лично был многим обязан во время междоусобной борьбы за трон со своим братом, не помогали. Египет он считал глупой авантюрой, говоря, что он шел в поход в Святую землю, а не куда-то еще. Тот факт, что бороться за христианские святыни можно, поражая врага в других местах, его не устраивал.

Штернберг по наивности своей подумал, уж не позвали ли его с братом на совет, чтобы вот в такой тупиковой ситуации поучаствовать на стороне герцога в силовом методе решения вопроса. Но тут же понял, какая глупость даже мыслить об этом, ведь столь прославленные могущественные сеньоры не могут действовать, как простые рыцари.

Леопольд Австрийский предложил закончить совет, раз уж договориться пока не удастся. Все согласились с ним. Однако одно общее решение все-таки было принято. К вящему неудовольствию Иерусалимского патриарха, на третий день после этого совета два короля, князь и герцог постановили увести армию от горы Фавор.

После того, как Рауль де Меранкур, весь трясущийся от гнева, покидая совет, воскликнул, что ноги его больше не будет среди этой нечестивой армии и он завтра же увозит с собой частицу Честного Креста, Боэмунд Антиохийский, тоже весьма раздосадованный, быстро собрался и ушел в окружении своих баронов. Он проклинал несговорчивого Андраша Венгерского, из-за которого, скорее всего, новый совет так и не соберется, а разделившаяся армия оседет на зиму в Святой земле. Князь даже желал, чтобы венгры со своим королем ушли осаждать Дамаск и там пусть бы все пропадали, лишь бы не оставались гостить в его землях в ожидании весенней морской переправы домой. Боэмунд знал, что герцог Австрийский и король Иерусалимский, знакомые еще со времен Альбигойского крестового похода, взаимно симпатизируют друг другу и потому будут держаться вместе, а значит, не ему, князю антиохийскому, придется взваливать на свои плечи прокорм хоть и не очень большого Австрийского войска, но в стране, пережившей неурожай и стоящей под угрозой голода. Боэмунд решил искать поддержки у кипрского короля Гуго Лузиньяна, находящегося со своим отрядом в Верхней Галилее. Тот, как и сам князь, и король Венгерский, не признавал верховенство в этом походе Жана де Бриенна.

Андраш II еще некоторое время пытался уговорить оставшихся напасть на Дамаск, но потом сдался и, покачивая в знак разочарования головой, покинул собрание. Венгерские сеньоры выходили за королем, гордые, словно одержали какую-то победу. Лихтендорф отпустил им вслед едкую шутку, и герцог с остальными немцами от души рассмеялись. Леопольд Австрийский поблагодарил своих баронов за поддержку и велел всем расходиться по палаткам, пока он с глазу на глаз переговорит с Жаном де Бриенном.

Штернберг, Лотринген и Лихтендорф, обсуждая подробности совета, медленно выходили из королевского шатра. Вокруг него стало довольно свободно, ведь большинство рыцарей покинули периметр вокруг шатра вместе со своими сеньорами, остались только несколько групп немцев и один Деметр Аба. Сенешаль, обнажив меч, с перекошенным от злости лицом, дождался, когда выйдет Лихтендорф, и шагнул ему навстречу:

– Не вы ли, сеньор хохотун, отпускали насмешки о моем короле? – на очень плохом немецком произнес он, еле сдерживая рвущуюся наружу ярость.

– Я! – задорно ответил Лихтендорф и улыбнулся. – А как это вы догадались, господин сенешаль?

– Издеваешься, ублюдок? – прохрипел Деметр Аба. – Сейчас я тебя отучу ухмыляться!

– Признаюсь, ты мне тоже не нравишься, мадьярский пес! – воскликнул, посмеиваясь, Лихтендорф, и обнажил меч.

– Черт возьми! – проговорил Штернберг. – А этот сенешаль совсем отчаянный. Он один, а наши люди повсюду.

Лотринген скорчил кислую мину:

– Крестоносцы готовы друг друга в ключья разорвать – и это армия Христа!

Мечи противников скрестились, при свете факелов отбрасывая тусклый блеск в непроглядную черноту сирийской ночи. Немецкие рыцари, с любопытством наблюдавшие за боем, приблизились, образовав вокруг графа и сенешаля круг. Некоторые из них с тревогой оглядывались в сторону палаток – не идут ли на подмогу своему соотечественнику мадьяры короля Андраша.

Деметр Аба поливал Лихтендорфа потоком разных непристойностей, стараясь вывести его из себя и тем самым заставить совершить ошибку, но граф, словно одетый в непроницаемую для оскорблений броню, не слыша ничего, бился хладнокровно и четко.

На шум из палатки короля вышли Жан де Бриенн и Леопольд Австрийский. Герцог выругался про себя, но останавливать дерущихся не стал, надеясь, что Лихтендорф наконец-то убьет венгерского сенешаля, так надоевшего ему своей заносчивостью и злобностью. Но король Иерусалимский возмутился происходящим.

– Сеньоры! – крикнул он. – Прошу вас прекратить! Вы воины Господа, нельзя проливать кровь друг друга, когда вокруг нас враг, а он только и ждет, что мы все перессоримся! Успокойтесь, господа, я приказываю вам!

Лихтендорф и Деметр Аба хоть и не знали французский, но смысл королевских слов понять было несложно. Они опустили мечи. Лихтендорф взглянул на герцога, и, хоть при свете факелов видеть было трудно, граф разглядел жест, сделанный ему Леопольдом Австрийским. Он убрал меч в ножны и отошел от сенешаля. Но Деметр Аба не хотел смириться.

– Эй, Жан де Бриенн! – в бешенстве крикнул он, намеренно мешая венгерские слова с немецкими, чтобы рыцари герцога поняли, о чем он говорит. – Эй, уж не по твоему ли наущению этот хлыщ смеялся над моим королем и мной, а теперь трусливо поджал хвост, лишь только ты появился? Говорят, ты в молодости всегда побеждал на рыцарских турнирах, так иди сюда, тряхни стариной, вспомни, если еще можешь что-то помнить, как управляться с мечом. Или, может, тебе показать?

Жан де Бриенн побагровел, руки его потянулись к мечу, но он вовремя совладал с собой. Король не мог опуститься до поединка с каким-то сенешалем. Не мог он и арестовать или приказать убить грубияна, ведь Деметр Аба – вассал другого короля и Андраш, конечно, вступится за него и тогда не миновать большого конфликта, а этого допустить нельзя. Герцог тоже это понимал и мучительно искал выход. Он подозвал одного рыцаря и велел ему идти к венгерскому королю и привести его сюда.

– Трус ты, де Бриенн! – выпалил Деметр. – Какой тебе Иерусалим? Иди коз пасти!

Штернберг понимал, о чем думают король и герцог, и сам разделял их злость из-за безвыходной ситуации. Понимали это и немецкие рыцари и потому не могли навалиться на сенешаля все скопом и раздавить его, как клопа. Лихтендорф ждал сигнала от герцога возобновить бой, а пока стоял на стороже, поглядывал то на сенешаля, то на Леопольда Австрийского. Штернбергу показалась вся эта ситуация такой глупой и позорной, что он не мог дальше стоять и чего-то выжидать. Резко выступив вперед, не вынимая оружия, он подошел к Деметру Абе сбоку, и пока сенешаль, недоумевая, взглянул на безоружного человека, посмеявшегося подступить к нему, Штернберг с размаху отвесил ему в висок тяжелый удар кулаком. Сенешаль грузно свалился, как подкошенный. Штернберг ударил его по лицу еще раз, и кровь из сломанного носа черной струей полилась на песок.

– Запомни мое имя, сенешаль. Я – Генрих фон Лотринген, граф фон Штернберг. Сегодня ты, идя к шатру короля, не глядя по сторонам, наступил мне на ногу, мне было очень больно, и потому ты сейчас лежишь. Если у тебя ко мне есть вопросы, жду тебя в любое время.

Сенешаль что-то пытался сказать в ответ, и Штернберг почувствовал густой запах перегара. Но кровь из разбитого носа попала в рот, и слова Деметра потонули в кашле. Он попытался приподняться и не смог. Немецкие рыцари надрывали глотки от хохота, а герцог и король, благодарно кивнув Штернбергу, ушли в шатер продолжать беседу.

– Думаю, нам стоит сегодня хорошо выпить! – сказал Штернберг брату и Лихтендорфу. – А то завтра сенешаль припрется за удовлетворением и, возможно, это будет мой последний день.

Часть первая. Цитадель Нила

Глава первая. Утро под Дамьеттой

Зимой христианская армия в Святой земле сильно страдала от голода, холода и болезней. Ураганы и непрекращаемые дожди мешали передвижению. Вожди крестоносцев еще несколько раз собирались на совет, но результат оставался тем же, что и на переговорах у горы Фавор. В январе Андраш Венгерский заболел и решил, что для него поход закончен и пора возвращаться домой. Патриарх Иерусалимский, взбешенный поведением короля, отлучил его от церкви. Но ничто уже не могло заставить Андраша II остаться в Сирии. Он со своей армией вернулся в Венгрию, попутно прихватив с собой немало священных реликвий, среди которых была голова святого Стефана и один из кубков со знаменитого свадебного пира в Кане Галилейской. Впрочем, часть венгров все же остались в Святой земле и продолжили войну.

Кипрский король Гуго де Лузиньян заболел и умер в Триполи. Боэмунд Антиохийский скорбел о потере союзника, но недолго, ведь грусть его скрашивала молодая жена Мелисента – сводная сестра умершего короля.

Так понемногу армия крестоносцев таяла. И вот среди тех, кто хотел дальше продолжить борьбу, остались только Леопольд Австрийский и Жан де Бриенн. Их войска были слишком малочисленны, чтобы проводить наступление, да и непогода полностью сковывала все действия. Король и герцог занялись укреплением старых и возведением новых замков. При помощи госпитальеров их воины укрепили Цезарею, которая лежала в руинах со времен Третьего крестового похода. На мысе Атлит был построен Шато-Пелерен, что означает «замок паломника». Эта мощная крепость затем была передана тамплиерам.

26 апреля гавань в Акре заполнили бесчисленные паруса. Это прибыл флот под предводительством графа Вильгельма Голландского. В его армии были фризы и крестоносцы из Северной Германии. Они сели на корабли в гаванях Голландии и отправились в Святую землю, огибая Пиренейский полуостров. Там они задержались, высадившись в Португалии и ввязавшись в борьбу с маврами.

Прибытие новой волны воинов Христа, рассказы об их победах оживили мужество оставшихся в Палестине крестоносцев. Теперь только и речи было, что о возобновлении войны. На совете вожди решили нанести удар по Египту. 9 мая армия, состоявшая из немцев, австрийцев, фризов, поддержанная тамплиерами, тевтонцами и госпитальерами, на многочисленных кораблях оставила Святую землю и взяла курс на крупную цитадель, расположенную на правом берегу Нила – Дамьетту.

Горячее южное солнце, выскочившее из-за горизонта, озарило сонный лагерь крестоносцев на левом берегу Нила, представлявшем собой бесплодную пустыню.

От потухших костров тянулись в небо тоненькие струйки едкого дыма. Храпели лошади и храпели люди. Из города с правого берега реки донесся пронзительный голос муэдзина, призывавшего на субх – утреннюю молитву.

Генрих фон Штернберг потянулся на медвежьей шкуре, служившей ему постелью, и, открыв глаза, сел и оглянулся. Рядом с ним, полуприкрытая плащом, оставлявшим на виду шикарную грудь, спала девушка. После ночи с Бланш он чувствовал себя как пахарь после целого дня непрерывного труда. Воспоминание вызвало у Генриха усмешку. Вчера Лихтендорф пришел к нему в палатку вместе с двумя девушками, сопровождавшими его в походе – Бланш и Габриэль. Они выпили вина, и друг честно, по-братски поделился с другом. Лихтендорф, в объятиях второй чаровницы, лежал неподалеку, укрывшись плащом. Граф потянулся

и стал натягивать штаны. Вдруг он услышал, как Бланш во сне отчетливо произнесла «Шарло» и улыбнулась.

– Шлюха! – вырвалось у Штернберга, чье самолюбие было уязвлено до глубины души. Он грубо растолкал девушку, вытаскивая из-под нее свою рубашку, но Бланш не проснулась, и ему даже показалось, что она еще раз прошептала на французский манер имя Лихтендорфа.

Вот так было всегда. Граф Карл фон Лихтендорф неизменно имел успех во всех любовных похождениях, и даже выдавшие виды девицы легкого поведения были рады не просто его тугому кошельку, но и тому, что провели ночь именно с ним. Лихтендорф был очень красив, имел высокий рост и атлетическое телосложение, а вкуче с веселым нравом, храбростью и легкостью в общении он сочетал в себе все качества, необходимые для успеха у женщин. Только пользовался он этим успехом лишь для удовлетворения сиюминутных потребностей. Посвятить жизнь служению даме, разделить с какой-нибудь красавицей свою судьбу он не хотел. Единственное, в чем он видел смысл своего существования, была слава.

Штернберг дружил с Лихтендорфом с самого детства, и, еще когда они только деревянными палками дрались да скакали на воображаемых конях, Карл старался руководить игрой, всегда выдвигал себя на роль героев и всеми силами пытался сделать что-то лучше других, ярче, значительнее. Штернберг с Лотрингеном звали Лихтендорфа львенком не только потому, что его длинные волосы отливали рыжим и не оттого, что в гербе его рода были два золотых льва на багряно-красном поле, но за то, что на него всегда могли положиться в любом деле, за его исключительное бесстрашие и презрение к боли. Кто воспитал в мальчишке такие качества, никто не знал. Отца своего, погибшего в Крестовом походе, он не помнил, а воспитывавшие его отцовские рыцари особенными дарованиями не отличались. Все родственники и друзья считали, что Лихтендорф просто воплотил в себе лучшие качества своего древнего рода, ведущего начало от некоего Сигиберга, служившего еще Карлу Великому.

Возмужав и сам став рыцарем, Карл фон Лихтендорф объездил половину Европы, участвовал в каждом более или менее крупном военном конфликте, стараясь снискать славу. Причины той или иной войны, в которой он участвовал, его не интересовали, Лихтендорф бился не за деньги, а за возможность отличиться. Так, он еще двадцатилетним неопытным юнцом сражался за Оттона Брауншвейгского против законного государя Филиппа Штауфена, а после поражения узурпатора бежал вместе с ним в Англию. Вернувшись через пару лет, Лихтендорф уже приобрел у друзей славу бывалого вояки. Штернберг завидовал ему и клятвенно обещал в следующую войну отправиться вместе с ним. Но Карл не хотел ни с кем делить свою славу, ему нужно было оставаться для друзей идеалом, на которого стоит равняться, а потому все делать одному. Не сказав никому ни слова, Лихтендорф снова исчез, появившись в плаще крестоносца в Южной Франции, искореняя мечом альбигойскую ересь. А потом Оттон Брауншвейгский снова вернулся на германский трон, и Лихтендорф пошел вместе с ним против французского короля, сражаясь в битве при Бувине. Там он попал в плен и за него запросили огромную сумму выкупа, собрать которую в короткое время было сложно даже для такого богатого человека, как Лихтендорф, поэтому он частично занял деньги у своих друзей – Штернберга, Лотрингена и Касселя, полностью расплатившись с ними лишь перед самым Крестовым походом в Святую землю. Из Франции он и привез Бланш и Габриэль, и теперь они всюду были с ним, почти не ревнуя своего господина друг к другу.

– Жизнь кажется вечной после близости с женщиной! Ты не находишь, Генрих?

Штернберг погрузился в свои мысли и не заметил, как Лихтендорф проснулся и поднялся с ложа.

– Пусть даже эта женщина и потаскуха, – закончил он мысль и поднялся, чтобы одеться. Габриэль тоже проснулась и, потянувшись, посмотрев на Лихтендорфа, залюбовалась его обнаженной мускулистой фигурой. Она даже сделала жест, призывающий маркиза продолжить ночные подвиги, но Лихтендорф, усмехнувшись, грубовато отстранил ее и продолжил одеваться.

Девушки поняли, что на сегодня в их обществе больше не нуждаются, и, быстро накинув одежду, ушли.

– Мне сегодня Кассель приснился, – промолвил Штернберг.

– Ну и что? Вид у тебя какой-то похоронный. Уж не мертвым ли ты его видел?

– Нет, снилось, что мы с ним на конях скачем.

– Вот, может, и он сейчас где-нибудь скачет. Или на какой-нибудь кобылке вроде этих вон. Ха-ха!

– Эх, где-то сейчас наш добрый толстяк-выпивоха Кассель? Он остался в Акре до смерти пьяный. Надо нам было самим нести его на корабль.

– Ему было так плохо, что в море он мог вообще умереть. Данфельд позаботится о нем. Уверен, скоро он будет здесь. Эйснер тогда сказал, что ему бы отлежаться с неделю, не пить вина и тогда он снова оживет. Его со дня на день следует ожидать.

– Ты думаешь, он смог продержаться неделю без вина? – мрачно усмехнулся Штернберг.

Лихтендорф хмыкнул, покачал головой и, найдя в углу палатки недопитый кувшин, жадно припал к нему и не остановился, пока не допил все.

– Вчера ты вспоминал, как два года назад был в Риме, – сказал Штернберг. – Но потом почему-то перестал рассказывать. Из-за чего?

– Не стоит бабам раскрывать то, что у тебя лежит на сердце.

– Да они же почти не понимают по-немецки?

– Все равно при них не хотелось говорить.

– Если ты еще хочешь со мной поделиться – я тебя слушаю.

– На чем я остановился?

– Ты говорил, что тогда был *Вселенский собор*, и ты видел папу римского, и когда на площади перед его дворцом собралась огромная толпа, все получили от него благословение.

– Да, через год старый хрыч отправился к праотцам, так что увидеть его было знаменательным событием – папа-то был воинственный, ему бы мечом махать, а не молитвы бормотать. Ну да ладно, что он мне? Там, в Риме, я видел огромную колонну, и вся украшена барельефами, изображающими древних воинов, сражения и штурмы городов. Ты даже представить себе не можешь, Генрих, какое это величественное зрелище! От тех людей, что изображены на колонне, и праха-то не осталось, а память об их подвигах жива, и каждый может посмотреть и подумать о них!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.